

Спешиловские
литературно-художественные
чтения

Вдохновение

**МАУК "Межпоселенческая центральная библиотека
Очёрского муниципального района"**

Вдохновение

Выпуск 2

Избранные материалы

IV - х Спешиловских

литературно-художественных чтений

Очёр, 2014

Муниципальное автономное учреждение культуры
«Межпоселенческая центральная библиотека
Очёрского муниципального района»
Поэтическое объединение «Очёрская лира»

Редакционная коллегия:

Т. А. Дрозд
С. А. Афанасьева
Е. О. Шадская

Рисунки Г. Демченко, фото В. Катаева

Вдохновение: литературно-художественный сборник /
Сост. : - И. З. Мезенцева. Очёр: МАУК "МЦБ",
инновационно-методический отдел, 2014. - с. 88.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

ВЯТКИНА З. Нийя. Беззубка.....	7-8
ГЛАДКОВ Д. Посв. А. Шардакову	9
ГЛАДКОВА С. Колобок на новый лад. Сказка.....	10-16
ГОРДИЙЦЕВА Н. Шардоне. Деревенский музыкант.....	17-18
ЗАБОРОВСКАЯ Л. Ты и я. Сделано всё.....	19-20
ЗАГОРСКАЯ Г. Женщине.....	21
ЕЖОВА Н. Покаяние. Гостья осень.....	22-23
ИВАНОВА Л. Я знала всё. Прекрасно.....	24-25
КАМЕНСКИХ Н. Полнолуние. В золотистой дымке.....	26-27
КНУШЕВИТСКИЙ А. Гражданин Очер. Весна - предтеча обновления.....	28-30
КОРОТКОВ С. Почему гусь со свиньей нам не товарищи....	31-32
КРАШЕНИННИКОВА Н. Поэту о читателе. Жизни мало одной.....	33-34
ЛАРИОНОВА М. Радость моя. Подружка.....	35-36
ЛЕВЧЕНКОВА О. Опять весна.....	37
ЛЫКОВА В. Бабушкин хлеб. У колодца. Женские руки.....	38-40
МЕТЕЛЁВА Н. Мне достаточно. Прошло.....	41
НИКИТИН В. Про ежа.	42-43
ОШКУКОВА И. Книжный храм.....	44-46
ФЛЁРОВА Н. Жизненный круг. Мы любовь похоро- нили.....	47-48
ШИРШЕВА И. Ода смелости. Упало дерево. Поздно ложусь.... Ты не плачь.....	49-50
ШКЛЯЕВА М. Обнаженной казалась природа.....	51
ШМЫРИНА Л. Бесконечность. Март. Опять весна.....	52-53
ШМЫРИНА Т. Как прекрасно.....	54
ЩЕКАЛОВ В. Повседневню.....	55-56

ПРОЗА

БЕЗГОДОВА К. Сегодня было вчера. Рассказ.....	58
БОЛОТОВА Н. Мама. Рассказ.....	59-60
ГЛАДКОВ Д. Про жизнь. Рассказ.....	61-62
ДРОЗД Т. Быль.....	63-67
ЗАГОРСКАЯ Г. Тонкая нить. Рассказ.....	68-70
ЛАРИОНОВА М. Розовый кот. Рассказ.....	71
ЛЕСНАЯ С. Сказ о Прокопе. Рассказ.....	72-76
ПОДЮКОВ В. Берёзонька. Рассказ.....	77-79
ПОПОВА З. Трагедия на дороге. Рассказ.....	80-81
ЧАЗОВ Д. Пролог.....	82-84
ШАБАШОВ В. Трижды расстрелянный. Рассказ.....	85-86
ШКЛЯЕВА М. Тополя. Рассказ.....	87-88

От составителя

Уважаемый читатель!

Перед вами 2-ой выпуск сборника "Вдохновение" участников IV Слепиловских литературно-художественных чтений. В него вошли произведения уже знакомых вам авторов и тех, кто впервые представил своё творчество.

Темы произведений самые разные: авторы обращают свои взоры к жизненным проблемам, внутренним переживаниям и наблюдениям. Здесь выражены радость и печаль, оптимизм и неуверенность. Каждый автор индивидуален и неповторим.

Материал сборника поделён на два раздела: Поэзия и Проза. Работы расположены в алфавитном порядке фамилий авторов.

Авторская редакция произведений сохранена.

Приятного прочтения.

Поэзия

Нийя

Нежданная в памяти сцена встаёт
Осколком из старого фильма,
Как в космосе люди нашли звездолёт
И девочку-робота Нийю.

У ней на планете господствует зло.
Там люди без масок не ходят.
Отравлено всё, что когда-то цвело.
В убежищах время проводят.

Земляне - могучий и мудрый народ-
Приходят добру на подмогу.
И Нийя родную планету спасёт,
Очистит от грязи и смога.

О, добрый писатель советской поры,
С душою наивно-безгрешной!
Ну как выручать нам другие миры,
Когда свой мы губим успешно?

Беззубка

Зацвела вода в пруду, зацвела.
Замутилась - вот такие дела.
Потому что в нём беззубка жила,
А теперь она, увы, умерла.
Ну, подумаешь, моллюск, ну и пусть!

Ну зачем нужна вселенская грусть?
Просто надо нос покрепче зажать,
Мимо пруда в жаркий день пробежать.
И проходят люди с видом гостей
Мимо беленьких ракушек-костей.
Ведь не нам за все заботы-труды
Разрешили умереть без воды.

Памяти Александра Шардакова

Всю жизнь стесняемся
Той дерзости в улыбке,
Чтоб не сказали что,
И чтоб не в грязь лицом.
И многие хорошие поступки
Храним на завтра,
Лучше на потом.

Мы о поэтах говорим,
Когда уже поздно,
При жизни
Невнимательно любя.
Ведь завтра в бой
За счастье бытового хлама,
Рвать, рвать нужно
Одеяло на себя.

Послаше, лучше, больше,
Толще.
Теряем нюх
В потоке суеты.
А смерть идет
По полю нашей жизни,
Срывает с.....
Самые хорошие цветы.

Колобок

(Сказка на новый лад)

Рассказчик:

Жили - были дед да баба
Много лет и много зим.
Жили - были, не тужили,
И дожили до седин.

В жизни чуда не встречали,
Всё обычно, как всегда.
Стала баба скуповата,
Да и это не беда.

В жизни всякое бывает,
И не нам с вами судить,
Если б чуда не случилось,
Могло б сказочки не быть.

Часть 1 (занавес открывается)

Дед:

Кушать, баба, приготовь,
Ты почисти мне морковь,
Исхудал я уж совсем,
Второй день уже не ем.

Баба:

Мы морковочку всю съели,
Да ещё на той неделе.

Дед:

Что же делать, баба, нам,
Поскреби же по углам,
По сусекам, по амбарам,
Может всё-таки не даром,
Может, мучки наберёшь,
Каравай мне испечёшь?

Баба:

Ладно, ладно, милый дед,
Накормлю тебя в обед.
Мучки сколь-то ещё есть,
Только ты её мне взвесь.
Тонны две муки осталось,
Посмотри, какая малость,
Колобок лишь испеку,
Я учёт всему веду.

Часть 2 (На столе лежит колобок)

Рассказчик:

И как в сказке, точно в срок,
Появился колобок.

Дед: (пытается отломить кусочек)
Хоть немного подкрепиться,
А то что-то мне не спится.

Колобок:

Ой, ой, ой, я колобок,
Не щипай меня за бок,
Ты же видишь, я живой,
Тоже нужен мне покой.

Баба:

Ты смотри-ка, что за диво,
Говорит он как красиво.

Ох! Красавец удался,
Обижать его нельзя.

Дед:

Пусть живёт теперь он с нами,
Развлекает нас часами,
Ну, а как нам надоест,
Дед тогда его и съест.
(Дед поглаживает свой живот)

Баба:

Может нам его продать,
Кучу денег могут дать.
Говорящий колобок,
Подрумяненный бочок!

Дед:

Вот и верно, продадим,
Что нам делать-то здесь с ним.

Баба:

На базар завтра пойду,
Может, там его толкну!

Дед:

Продадим по Интернету,
Там такого чуда нету,
Денег больше срубим там.

Вместе:

Ох, и повезло же нам!

Колобок:

И за что вы так со мною,
Очерствели вы душою,
Я на радость вашу здесь,
Вы уймите свою спесь.

Дед:

Вот так, да! Разговорился!
Что ли ты совсем забылся?
Я хозяин здесь пока,
Надеру тебе бока!

Колобок:

Я не буду дожидаться,
Не хочу здесь оставаться.
Что ж прощайте, баба, дед,
Вам желаю долгих лет.
(Колобок убегает).

Рассказчик:

И скорей через порог,
Убежал наш колобок.

Часть 3

Рассказчик:

В лес дремучий забрёл колобок,
До костей в том лесу он продрог,
Выбивается бедный из сил,
И свободе своей он не мил.
Вдруг навстречу зайчишка идёт,
Очень грустную песню поёт.

Заяц:

Я сегодня голодный такой,
Мне не спится вечерней порой.

Рассказчик:

Длинноухий колобочка увидал,
Улыбнулся и навстречу пошагал.

Заяц:

Откуда взялся ты такой,
По тебе скучает живот мой.

Ты, румяный, лакомство моё.
О! Как с ужином сегодня повезло!

Колобок:

Ошибаешься, наверное, дружок,
Сам для меня ты вкусный пирожок,
Мне самому давно уж есть пора,
Деда с бабой съел ещё вчера.

Рассказчик:

Зайца страх до пяток охватил,
Он помчался сколько было сил.
Колобочек дальше пошагал,
Но в дороге очень он устал,
Отдохнуть присел он на пенёк,
Ему трудный выдался денёк.
На пенёчке чуть не задремал,
Но вдруг голос волка услышал.

Волк:

Очень есть хочу, живот болит.

Рассказчик:

Колобочек волку говорит

Колобок:

С места сдвинуться я не могу,
Только что отведал кенгуру.

Рассказчик:

Изумлённый волк ему в ответ:

Волк: (заикается)

Я не буду есть тебя, нет, нет,
Пошутил немного невпопад,
Очень с тобой встрече, милый, рад.
Ты красавец, глаз не отвести,
А теперь позволь же мне уйти.

Рассказчик:

Распроставшись, быстро волк ушёл,
По дороге бурый мишка шёл.

Медведь:

О! Какая вкусная еда,
Колобок, иди ко мне сюда,
Я отведаю лакомство хочу,
И сейчас тебя я проглочу.
Подходи поближе, не робей,
Колобочек, будь же посмелей!

Колобок:

Милый Мишенька, иди ко мне ты сам,
Будешь, Миша, мне ты по зубам,
Не таких зверей ещё я ел,
В самый раз, я кушать захотел.

Рассказчик:

Тут медведь рванул, сколь было сил,
Белый свет медведю стал не мил,
А лиса, услышав те слова,
Тихо к колобочку подошла.

Лиса:

Я тебе, родимый, помогу,
Душу я больную залечу,
Вижу я, совсем ты одинок,
Не печалься, будет счастьем срок.
Там в лесу избушка моя есть,
Приходи, окажешь ты мне честь.
Ну, а деда с бабой ты прости,
В гости их к обедне пригласи.
Выплакали слёзы все давно,
Ждут тебя, глядят себе в окно.
Им богатства больше не нужны,
В жизни они нашей не важны.

Колобок:

Благодарен я тебе, Лиса,
Видимо есть в жизни чудеса.

(Подходят дед с бабой)

Вместе:

Колобок, прости, не помни зла,
Прежние слова наши - зола,
Были так жестоки мы с тобой,
Потеряли напрочь мы покой.

Колобок:

Благодарен я судьбе своей,
Я сегодня приобрёл друзей.

Рассказчик:

Вот и сказке подошёл конец,
А кто слушал, молодец!

Гордийцева Нина, г. Очёр

Шардоне

Держу бокал за основание.
Глоток пригублен, как во сне.
Труд виноградаря, старанье -
Полупрозрачный шардоне.

Какая легкость! Дух раскован!
Невольно вскидываю бровь.
Сок винограда молодого
Разгонит мне густую кровь.

Спасибо, труженики южных
Плантаций солнечной лозы.
В краю суровом, зимнем, выюжном
В бокале танкер жар сквозит.

Спасибо вам, под зной палящий
Взрастившим сад в своей стране.
За вас я пью животворящий
Полупрозрачный шардоне!

Деревенский музыкант

Омытый Лужковским заливом,
Приятен крутой бережок.
Обласканный солнцем игривым,
Сияет веселый денек.

А с берега в волны залива
Окошечки дома глядят.
И слышатся струн переливы,
Аккорды поют и звенят.

Денисович - бойкий, счастливый -
К груди инструмент прижимал.
Какое волшебное диво -
Его балалайки вокал!

Она про коробушку пела,
Про ситец, высокую рожь.
Душа от мелодии млела,
А сердце дурманила дрожь.

И видится прошлое снова -
Как пальцы бегут по струнам!
Мотив из деревни Лужково -
Мой самый целебный бальзам!

А память светла, неизменна,
И в ней с балалайкой храним
Седой музыкант незабвенный -
Денисович, дядя Трофим.

Ты и я

Ты - на западе, я - на востоке,
А дорога, как замкнутый круг.
Для меня ты - как север далёкий,
Только я для тебя - теплый юг!

Мы - слезинки, а жизнь-промокашка,
Не спеши ты её обогнать.
Я - ромашка твоя, я - ромашка,
На которой не надо гадать!

Неудач в жизни больше, чем счастья,
Только пусть для тебя будет май!
Я - твой зонт от невзгод и ненастья,
Не сломай ты его, не сломай!

Время мчится. И осень за летом...
Скоро встречу тебя я опять.
Я - твоя золотая монета,
Но не вздумай её разменять!

Сделано всё, что должно быть бы сделано.
Сложено всё, что должно быть бы сложено.
Стол застелила я скатертью белой,
Сели с тобой за него. Не похожие.

Ты синеглазый, а я кареглазая.
Ты очень вольный, я очень упрямая.

Ты для меня был любовью-заразою,
Я для тебя была самая, самая...

Ты для меня был как мир переменчивый,
Я в этом мире всего лишь попутчица.
Коль в твою жизнь поселилась изменчивость,
То никогда ничего не получится.

Прожито всё - от измен до чудачества.
Не суждено от любви такой маяться,
Мне то смешно, ну, а то вдруг заплачется,
Только тебя это всё не касается.

Ну, погрустишь без меня ты немножечко.
Снова в любви тебе кто-то признается...
Станешь кому-то ты светом в окошечке,
Только меня это всё не касается.

Время пройдёт, и любовь разноцветная
Вновь зацветёт на чужом подоконнике...
Будет твоею зазноба заветная,
Будет моим неслучайный поклонник мой.

Белая скатерть. С последнею фразою
В час расставанья свободною стану я!
Будь ты кому-то любовью-заразою,
Я же всегда буду самая, самая...

Женщине

Плесни на душу кипятку
и посмотри, что дальше будет.
Душа смеется изнутри
и вряд ли что она забудет.

Живи, не охая, и пусть
любви довольно в тебе будет,
тогда и счастье в дом войдет
и дети в нем счастливей будут.

Дыши свободней и вольней -
душа тебя об этом просит.
И пусть не дождиком одним
Тебя встречает эта осень.

Покаяние

Свечечка, ты свечка,
Гори, и не сгорай,
Согрей моё сердечко,
Открой мне двери в рай.
Ах, как же мне достигнуть
Той Благости Небес,
В грехах чтоб не погибнуть,
Неся по жизни крест.
Я помолюсь с волненьем
Пред образом Христа,
Со страхом и смиреньем,-
"Простишь ли Ты меня?
Господь мой милосердный,
За все мои грехи,
Прошу тебя усердно,
Прости меня, прости..."

Гостья осень

Лист осины дрожит
На холодном ветру.
Осень в гости спешит
Снова к нам поутру.
Урожай из садов
На руках принесла,
И мостами грибов
Одарила леса.
Небо тучкой закрыла,

Ожидая дождя,
И туманом накрыла
Все луга и поля.
Вдруг луч солнца блеснул
И рассеял туман,
А по небу поплыл
Журавлей караван.
Всё вокруг улыбнулось
Золотистым лучам,
Будто снова вернулось
Лето красное к нам.

Я знала всё, мой город, о тебе,
Про каждый дом, про каждую скамью,
Ведь ты, родной, почти ровесник мне,
На равных ты вошёл в мою семью.

А вот теперь тебя не узнаю:
Ты стал большим, высоким и красивым,
Когда по твоим улицам иду,
Цветы я вижу, где была крапива.

Через овраги брошены мосты,
Тропинки в плитку модную одели,
Стоят рядами вязы и кусты,
Скамейки, чтоб прохожие сидели.

Вот только бы дороги подлатать,
Одеть в асфальт все улицы окраин.
И будет тогда город процветать,
И станет для людей цветущим раем.

Я знаю всё, мой город, о тебе,
Про каждый дом, про каждую скамью,
Ведь ты, родной, почти ровесник мне
И навсегда вошёл в мою семью.

Прекрасно, если в жизни есть причал,
Где ждут тебя, надеются и верят.
Где мать творит молитву по ночам,
А дом родительский - надёжный берег.

И в доме том тебя поймут, любя,
Простят, согреют и помогут.
Иконкой мама покрестит тебя,
Когда отправишься в дорогу.

Но пуст тот дом, где мамы уже нет...
К нему тропинка быстро зарастает.
Ведь мама - оберег, незримый свет.
Его теплей и ярче не бывает.

Спешите в дом, где ваша Мама ждёт.
Пишите письма, шлите телеграммы!
Пока жива, вас Мама бережёт...
Так не жалейте ничего для Мамы.

Полнолуние

Ночь темна,
В небе полная луна,
Облака, как два котёнка,
Расшалились допоздна.
Не уложишь их в кровать,
Облака не любят спать.
И поэтому, наверно,
В шар воздушный так безмерно
Вдруг решили поиграть.
Вправо, влево, вверх и вниз,
Точно на площадке,
У которой нет границ.
Шаловливые котятки
Там резвятся без оглядки,
И не важно, что в их лапках:
Шар воздушный иль луна.
Вот такая этой ночью
Сказка в небе проплыла.

В золотистой дымке

В золотистой дымке,
Прячется луна,
Видно четвертинку
И кусочек дна.
Словно в перламутре
Синий небосвод.
В воздухе кружится

Лип душистых мед.
Аромат их манит
Сладостью своей,
Будто приглашает
Вглубь густых ветвей.

•

Гражданин Очёр

Как живешь, гражданин Очёр
С яacobинского псевдонима?
При способностях за перечёт,
По-семейному, воедино.
С ежедневностью трудника вахты
Иль чиновничий гомон фасада,
По теории школьной и практики
С посещением церкви, детсада.
Здесь витринный, лабазный мирок
В конкуренциях ресторанций,
Иль в прогулочный катерок,
Чтоб увериться в констатации.
Заповедного острова древ
По прибрежной линии дачной,
Где наяды, купание дев
И дельфином ныряющий мальчик.
Это с кисти и фото рука -
Видно мастера хорошо,
Рассочувствуешься с гудка,
От которого град и пошёл.
И пошёл, и поехал, вознёсся,
Перестраиваясь и снося,
Верно с детского многоголосья
Что воркуют, а позже тусят.
Привносья перемены и планы
Старожилам и юным жильцам,
На-гора самородки, таланты
И признание городца.

По спортивной стезе, по учёбе,
По характеру пробуй на вкус,
И по весям, знатьё об Очёре
В креативе мира искусств.
С уст моих и курсива читай:
С работающим весенним грачом
На поверку надежды питай -
Так живёт гражданин Очёр!

Весна - предтеча обновления
И втуне зимний декаданс:
Упали снега на колени,
Развергся зёрнышками наст.
Сошёл с ручьями гололёд,
Сосульный плач, скорей от смеха,
Пораныше солнышко встаёт,
В скворечнях гомон и утеха.
И птичий гвалт так нарочит,
Аки пчела в заботах коих
Трудоустроились грачи -
Давай выстраивать покои.
Бьёт суета по звуку, в жесте,
В приборках дупла зимогоров,
Под стрехой ласточкин "мажестик".
Весною дышит здешний город.
Мелькают куртки и плащи,
В разнообразии кашне
Число улыбчивых мужчин
Намного больше по весне.
И дам с приятностью в наружность,

Девчушек, прочей малышни -
Виною солнышко в окружность
И на дрожжах минуты в дни.
Где с духом пряности и прели,
С первоапрельских казуистик
Акомпанируют в нём трели.
С ветвей на жданках первый листик.
Весна церковных служб и месс,
Как воскрешение святое
К заутрене и благовест
И на всенощной свечкой стоя.
Светло, привольно на душе,
О благодати, чай, скучали?
Мир упоен и оглашен,
Как был в начале.
Возьми пасхальное яйцо
И расцелуйтесь троекратно,
Жизнь с человеческим лицом
Корпоротивно и приватно.

Почему гусь со свиньёй нам не товарищи

Басня

Давным-давно,
когда жил в мире лишь звериный род,
И звери жили все одним большущим скопом,
И не было меж ними ни царей, ни воевод,
Один гусак, прилично крыльями похлопав,
Решив, что он умнее, чем звериный весь народ,
Прогоготал свинье во всё гусячье горло:
- А знаешь ли, свинья, что шея всех длиннее
У брата нашего - гуся?!

И мы горластей всех, а значит и важнее,
И потому все свиньи слушаться должны меня!

Ответила свинья гусю, жуя неспешно апельсин:
- Длиннее шея есть хотя бы у жирафа!
А вот где видел ты бока жирней, чем у свиньи?
Взгляни-ка на меня, ведь я потолще шкафа,
И значит, все приказы выполнять должны мои!

С тех пор не водится свинья уж с гусаком,
Меж ними не было уж дружбы старой,
Не довелось им больше разойтись мирком,
И доходило даже до войны кровавой.

Мораль: Иной, как свин с гусём, обрядится сукном
И думает, что он готов другими править.

А может всё же мериться умом?
Другие разберут, кого куда поставить!

Поэту о читателе

"...в дни горя, в дни бесславья своего
лишь в нём ищу надежду и опору..."

В.Фёдоров

Барьеры рифм и косогоры строк
Порой пройти бывает нелегко,
Но, если это сделает поэт,
То он уже почти не одинок.

Читатель - верный друг, как верный пёс,
Конечно, рук твоих лизать не будет,
Но вместе с автором преодолеет кросс,
Не ожидая результата судей.

Жизни мало одной

Жизни мало одной,
чтобы сердцем понять,
Чтобы не повторить
всех ошибок опять,
Чтобы не пострадать,
чтоб мудрее бы стать,
Чтоб, как Данко, своё
сердце людям отдать.
Дай же ты мне, Господь,
завершить все дела,
Помоги мне, чтоб я
опыт приобрела,
Я бы столько оставила
людям тепла...

Никому, ты увидишь,
 не доставила б зла.
Стану сразу святой и
 счастливой такой,
И наступит в душе моей
 вечный покой,
В рай меня ты направишь
 своею рукой,
Жизни мало одной...
 напишу Вам строкой.

Радость моя

Очёр, ты радуешь меня
Зелеными угорами,
Весенней песней соловья,
Цветочными узорами.

Живут по солнечным часам
В Очёре звероящеры.
Ведут нас храмы к Небесам,
Как завещали пращуры.

Ласкает взор старинный пруд,
Пока прозрачно-чистый.
Его жемчужиной зовут
Очёрцы и туристы.

Иду всегда в сосновый бор
Я в радости и в горе.
Благодарю судьбу за то,
Что родилась в Очёре.

Подружка

Закопчёная избушка,
В саже печь и потолок.
У окна сидит подружка,
Вяжет сказочный чулок.

Красоту родного края
Заплетает в нить клубка.
Самоцветами играя,
Как узор бежит река.

Земляничные поляны
Просыпаются в бору.
Воздухом сосновым, пряным
Пропиталось всё вокруг.

Нет избушки - растворилась
В яркой зелени полей.
Печка листьями покрылась,
И запел там соловей.

В небе солнышко садилось,
У подружки был готов
Не чулок, а Божья милость -
Сборник новеньких стихов.

Опять весна

Опять весна, и тает снег,
И потекли ручьи.
Захлопотали на ветвях
Прибывшие грачи.
Шумит вода и мчится прочь,
Дремоту унося.
Опять волнует душу ночь,
За молодость прося.
Дома омыты таяньем снегов,
И птичье пенье сердце утешает.
Освобождается природа от оков,
И щедрости своей нам обещает.

Бабушкин хлеб

Я с детства помню запах хлеба,
Который бабушка пекла.
Она умела это делать,
И всех соседок обошла.

Ржаной, с картошкой, отрубями -
Но не было вкусней еды,
Чем хлеб с солёными грибами
Или с капустой пироги.

Из печки каравай достанет
И перекрестит, уж потом
На стол к другим рядком поставит,
Накроет чистеньким холстом.

А только чуточку остынет,
То деда первого зовёт
И, разломив на половины,
Сама хлеба на стол несёт.

А дед кусок посыплет солью,
Разрежет луковицу вдоль,
И скажет ласково, с любовью:
"Ну, налегайте! Хлеб да соль".

У колодца

Скрипело старое ведро,
В колодец тихо опускаясь.
Мы ликовали: "Повезло -
Вода здесь вкусная такая".

Уж не осталось и следа
От чистой деревеньки звонкой,
Мелькнет в бурьяне иногда
Наличник с голубой каёмкой.

Здесь люди жили и любили,
Хлеба растили и детей.
Мужи на битвы уходили,
Родные ждали новостей.

Прощать умели и жалели
Всех - в лихолетья, в дни невзгод.
Девчата за деревней пели,
Собрав весёлый хоровод.

Теперь на месте деревеньки
Растёт крапива, девясил,
Но кто-то лавочку из рейки
Всё ж у колодца смастерил.

А в нём вода: по вкусу лучше
Во всей округе не сыскать.
Струёй прозрачной в наши души
Влилась земная благодать.

Женские руки

Лежат безвольно на коленях
Две старых и больных руки:
Узлы на тёмных, вздутых венах
Да на ладонях бугорки.

А помнят руки плечи сильные,
В веснушках милое лицо,
Бровей изогнутых две линии,
На пальце тонкое кольцо.

И согревались две ладошки
В руке надёжной и большой,
И первенца шажок неловкий
Был подстрахован той рукой.

Да не ко времени нагрянула
В тот год жестокая война,
Без мужиков село оставила,
На руки женские легла.

И руки женские сновали,
Как над водою два стрижа,
Но как порою уставали,
Им так хотелось полежать!

Они ж, родимые, пахали
В войну, в разруху, в пятилетки
И, обессилевши, упали...
Лежат, как высохшие ветки.

Мне достаточно того, что ты есть,
И с тобой душа моя говорит.
Звёзд на небе сегодня не счесть,
И с твоею моя - горит.
Видишь, не спят тополя,
Ветер листьями тихо шуршит.
Может быть, с твоею моя
Птица на ветке не спит?
Мне достаточно того, что ты есть,
Если счастлив ты, рада я,
Звёзд на небе сегодня не счесть,
И с твоею горит - моя.

Прошло. Свершилось. Отцвело.
Покрыто белым инеем.
С тобою нас вчера свело -
И развело по линиям.

Про ежа

Басня

Однажды на лесной опушке
Среди знакомых и друзей
Жила-была в норе-избушке,
Как и везде, семья ежей.
Ежиха-мать всегда в заботе:
Обед, продукты, всё прибрать,
Вдобавок день быть на работе,
Дети, школа, постирать.
Везде, во всём, всегда - одна,
Она - хозяйка, мать, жена...
Чем занят Ёж? Упёл к соседу
О том, о сём поговорить,
Дома в руки взять газету,
Всю просмотреть и покурить.
Старался деловым казаться,
Пользы, правда, никакой,
Мог беспределом возмущаться,
Сам бездельник был большой.
Мастак он был давать советы
Да захмелиться где-нибудь,
Поможет иногда чуть-чуть,
Матерясь во всю при этом.
Ежиха молча всё сносила,
Какой ни есть, детям - отец,
Всплакнёт, когда терпеть нет силы,
Покамест спит её стервец.

Ей ёж сказал, чтоб ясно было,
- Мне жаль тебя, и ты поверь,
Детей не я, ты народила,
Вот и воспитывай теперь.

Мораль: Не хочешь, как раба, трудиться,
Держи Ежа в ежовых рукавицах.

Книжный храм

(120-летию Очёрской библиотеки посвящается)

Говорят, что в нашем веке
Не нужны библиотеки,
Да и книги - не в цене.
Всё компьютер выдаст мне.

Интернет - большая сила,
Всё собою заменил он!
«Книги - это прошлый век», -
Молвил «тёмный» человек.

Что вы, умники, мудрите,
Трезво вы на жизнь смотрите.
Уж не чтение - сюрприз,
Коль компьютер вновь завис.

Сеть всемирную охаяв,
Книга - вот она, родная,
Здравствуй, добрый книжный храм,
Вновь мы заглянули к вам!

И чего здесь только нету:
И журналы, и газеты,
Справочников арсенал -
Кладезь сей читальный зал!

Есть в большом ассортименте
Книги на абонементе -
Благодатный книжный край,
Всё, что хочешь, выбирай.

Прямо с полок сей светлицы
Излучают свет страницы.
Книга - мудрая душа -
Честь тебя в руках держать!

Свет Княгинюшка, родная,
Ты - живая, я же знаю.
Светочь мудрости твою
На одном дыханьи пью.

А за этим дивным храмом
Бдят ответственные дамы,
Фонды книжные "гранят",
Комплектуют и хранят.

Исключительно учтивы,
Преданны, трудолюбивы.
На запрос - один ответ:
"Откопают" раритет.

Материал найдут богатый,
Справят выставки по датам:
Как весомый аргумент,
Всю плеяду книг на стенд.

С группами ведут занятия,
Разные мероприятия,

Коль "горячая" пора -
На все руки - мастера.

Так что очень в нашем веке
Всем нужны библиотеки.
С книгой мудрою дружи, -
То - лекарство для души.

Кладезь знаний - век от века -
Процветай библиотека.
Очень здесь комфортно нам.
Здравствуй, добрый книжный храм!

Жизненный круг

Облетала душа с листопадами.
В каплях серых дождей тихо падали
И по крышам тихонько стекали
Наши радости, наши печали.
И текли по земле между кочками,
Прорастали травой и почками,
В листьях клёнов о чем-то шептали
Наши радости, наши печали.
Облетала душа пестролистная,
Прорастала полями душистыми.
Этим жизненным кругом вращали
Наши радости, наши печали...

Мы любовь похоронили
В лунном свете голубом.
Тихо в землю опустили
Прямо под моим окном.
Слёзы мы не проливали,
Молча разошлись с тобой.
И, простившись, сладко спали,
Слыша стоны под землёй.
Небосвода высь разверзлась,
Ливнем чистым пролилась
На истрёпанные нервы,
На потерянную страсть.
Шум дождя - небесный шёпот -

Отпевание служил,
Грома грозный трубный рокот
Приговор нам огласил.
И на утро шумным буйством
В окна билось вновь и вновь
Неубитым, вечным чувством
Наше дерево-любовь...

Ода смелости

Лишь смелые могут истлевшую ось
Собой заменить и внести перемены,
Найти молоток и заржавленный гвоздь,
И яростно рушить тюремные стены.
Лишь смелые могут вычерпывать грязь,
И другу помочь, и любить без утайки,
И выставить прочь обнаглевшую мразь,
С плеча разрубая все силетни и байки.
И, если настанет пора умереть,
Они, отрицая забвения мерки,
В бою побеждают тщедушную смерть
И к звёздам взлетают в святое бессмертье.

Упало дерево, замшелое, седое,
Не выдержало ветра и дождя,
Лишь гроздь ягод, выстраданных зноем,
Сияли будто капли янтаря.
Так люди, словно смелые рябины,
Уходят в вечность в спелости своей,
Но души их со щедростью обильной
Вернутся к нам делами сыновей.

Поздно ложусь я и рано встаю,
Ложкой хлебаю прозрачайший воздух.

В нашем душистом озёрном краю
Солнце куёт золочёные гвозди.
Я окуней наловлю для ухи,
Жадно глотая росистую сырость,
Только давно не поют петухи,
Только давно уже детство не снилось,
Только, латая прорехи в судьбе,
Выбросив в озеро скользкое "после",
Строит мне солнышко мостик к тебе,
Крепко вбивая звенящие гвозди.

Ты не плачь, я однажды вернусь,
Ты прими неизбежность утраты.
Снова будет осенняя грусть.
Шить из стареньких листьев заплаты.

Ранним утром в окно постучит
То ли стих, то ль воробушек мокрый,
И поющего солнца лучи
Хлынут вдруг в запотевшие стёкла.

Скинув ношу земного креста,
Позабыв суету и обиды,
Я вернусь, весела и чиста,
Нежным вкусом подмёрзшей рябины.

Обнаженной казалась природа,
Умирающим виделся лес,
Так внезапно пришла непогода,
Так луч солнца печально исчез.
Так сплетались прозрачные петли
Ледяного дождя в серебре,
Так махали безжизненно ветви
В поредевшем сыром октябре.
Ночью ветер прощально - тоскливо,
Синеву разрывая небес,
Будто плакал над чьей-то могилой,
Целовал, будто памятный крест.
Ветер плакал, а осень стонала,
Замерзая сама от себя,
Но тревожно она признавала,
Что суровая шепчет зима.
Шепчет то, что снега не далеки,
Что блестит ледяная звезда,
А туман будет тяжело-глубокий,
И холодная станет луна.
Осень плачет, опять понимая,
Что придется ей снова уйти,
Что вдогонку метель, прогоняя,
Будет громко со свистом мести...

Бесконечность

Когда-то давно мы любили друг друга,
Но вспомнить об этом сейчас недосуг.
Мы мчим, как шальные, по вечному кругу,
Но где-то и наш размыкается круг.

Всё чаще нам кто-то ступает на пятки,
С дистанции требуя тихо сойти.
А станции нет, как и нет пересадки,
Лишь знак означает конечность пути.

Дорога, дорога... Небесные хляби...
Как сложно бывает всё это принять.
Но есть бесконечность в оконченной правде:
Её уж никто не сумеет отнять.

Март

Растеряла весна по полям, по лугам
Свои чистые девичьи слёзы.
И поплыли снега да к речным берегам,
Забывая смешные прогнозы.

Март ещё не силен и зима начеку,
Только птицы галдят одурело.
Пробивается солнце в любую строку,
Что оттаять ещё не успела.

Снова хочется жить. Снова хочется петь,
Раздавая цветы и подарки.
И глазами ребёнка весь мир обозреть,
Мир, в котором всё живо и ярко.

Опять весна

Расплескала весна по земле
Ясноокие лужи.
И капель на оконном стекле
С ярким солнышком дружит.

От синичкиных песен в груди
Что-то радостно тает...
Всё придёт, всё ещё впереди -
Сердце ждёт и мечтает.

Блеск от солнца на волосах -
Серебра переливы,
Но весна молодая в глазах,
Как и прежде, игрива.

Как прекрасно...

Как прекрасно видеть в жизни цель,
Капелькой скользить по океану.
И с попутным ветром!... даже мель
Солью не коснется моей раны.

Сладостно, когда души порыв
Вдохновеньем парус наполняет.
И нирваны неземной прилив
Грани ощущений раздвигает.

Он пронзит лазурною строкой
Рифмы, что в смятеньи закипели,
Окунёт их в мудрость и покой
Волшебства своей святой купели.

Повседневно

Тёплый вечер,
Апреля
Солнце и горизонта.
Открылись поля,
Снега расцвели
Ручьями,
Речки говор,
Дорогой плывёт
Кораблик,
Пара воробышек
На лавке
За уборкой,
В деревне
Тишина.
А горожане
Вспоминают.

Понимание
Всегда свежо,
Мгновенно,
Как молнии удар,
Вспышка.
А прошлое грохочет,
Рассказывая
О случившемся.

Омывшись весною
Вдохнули поля,
Угасли ручьи.
Только речка
Устало шумит,
Провожая
Зимы покаяние.

Проза

Сегодня было вчера

Вчера выпал обильный дождь. Ровный. Хлесткий. И всё вокруг зажило, и вдохнуло свежести в кое-гдешнюю зелень и в меня. Сегодня ночью тоже прошёл дождь. Но о нём я узнала лишь утром.

В этой, очередной сессионной квартире, так тихо, что страшно. Я бы сказала - глухо, замкнуто, прижимисто. Сплю, не покладая сна. Только вот сны уж больно не радостные. Сейчас до сих пор пытаюсь избавиться от видения нынешней ночью...

Глюки продолжают быть. Оборачиваюсь - что-то мелькает. Слышатся шорохи, видятся тени...

За окнами библиотеки - солнечно. На лёгком, с иронией тёплом, ветру покачиваются ветви тополей, часто разросшихся по всему Свердловску. А перед носом - "Экономика и менеджмент СМИ" для теоретической поддержки очередной творческой работы. Одно из условий - опереться на собственный опыт работы в СМИ. Улыбаюсь, потому что говорить не о чем. Но... будем кожилиться и помнить ваши лозунговые слова "будь готов!"...

Пора погружаться в науку, "которой нет" (по Познеру).

Июнь, 2011. Библиотека Уральского Государственного университета,
Екатеринбург.

Мама

Мама, как много стихов и песен сложено в твою честь, родная. Сколько хороших, тёплых и ласковых слов сказано о тебе! И всё-таки каждый, в глубине души, мечтает сказать своей единственной на свете, неповторимой, бесценной и бесконечно любимой мамочке слова самые искренние и нежные, самые трепетные и достойные. Слова благодарности! Неоценимой благодарности за всё, что она сделала и делает для нас.

Мы часто заблуждаемся, будучи уверены в том, что мамы, несомненно, должны знать, как сильно мы их любим. Я поняла это, только когда сама вырастила детей. Я поняла, что каждая мама ждёт от своих детей хоть чуточку внимания и заботы, хоть чуточку ласки и любви. А мы иногда поздно об этом вспоминаем. Говорите своим мамам добрые слова, хвалите их и поддерживайте! Им так это необходимо.

Мамочка, ты всегда безусловно и бескорыстно любишь меня. Мне кажется, что ты любила меня ещё до моего рождения, ещё до того, когда моё сердечко забилося в тебе. С тех пор ты всегда рядом, даже, когда я так далеко от тебя. Я ясно вижу тебя и слышу мелодию твоего волшебного голоса, я держусь за твою мягкую, тёплую руку. И ничего мне тогда не страшно, и я готова преодолеть любые препятствия и неудачи, потому что ты смотришь на меня, страдаешь и радуешься вместе со мной, гордишься мной!

Я вспоминаю далёкое детство, ты всегда оставалась спокойной, заботливой и внимательной ко мне. Ты смешила меня, когда мне было грустно, даже в то время, когда самой тебе было тяжело. Ты участвовала во всех моих играх и затеях, хотя нас у тебя было трое, и забот всегда хватало. В любой неудаче или беде ты всегда была рядом, и одно твоё присутствие наполняло меня

уверенностью и силой. Когда я заболела, ты стойко переболела вместе со мной, побеждая мою болезнь. Я узнала от тебя, моя дорогая, о том, что добро всегда побеждает зло, а настоящая любовь бывает вечной. Я всегда чувствую прикосновение твоих рук и слышу песню твоего ласкового голоса. Твоя непрестанная молитва хранит меня. Спасибо тебе, родная! Я бесконечно люблю тебя, моя неповторимая, милая мамочка!

Ты - моя надежда и опора, моя путеводная звезда. Ты - моя ласточка в весеннем небе, мой солнечный лучик в ненастный день. Воплощение самой доброй, волшебной сказки. Если бы можно было собрать всё золото мира и положить к твоим ногам! Но даже золото померкнет в лучах твоей неповторимой улыбки, в дивном свете твоей чистой необъятной души.

Про жизнь

Самое любимое, самое замечательное время в природе - это ранняя осень, солнце уже не жжет, но еще достаточно теплое. А вечера длинные-длинные, люблю наблюдать, как солнце свалится в далекий лес. Потом осень подбросит первый снег, чистый - чистый и совсем не холодный, не как зимой. На лужах будет тонкое, хрупкое стекло. Очень люблю бегать по новому, чистому, ничем не пахнущему снегу.

Вообще жизнь замечательна, можно гулять, можно спать, можно подраться с соседским котом или просто с хозяйкой поваляться на диване.

Очень люблю делать то, что мне нравится, главное - это то, что мне нравится, а вот другим не всегда. Например, можно ранним утром, когда солнце еще не высоко, но уже заставляет жмурить глаза, залезть к соседке в огород, разрыть грядку с ее самыми любимыми цветами, сесть на ямку и с удовольствием гадить, жмуриться на солнце, сидеть и гадить. Потом пробежаться по забору, останавливаясь и брызгая на каждый столбик.

Очень люблю покушать. Кормит хозяйка меня не плохо, а когда не рву обивку мебели и не роняю ничего в комнатах, то совсем хорошо. Очень люблю, когда она своим нежным, чудным голосом кричит с веранды: "Мурзик, беги скорее кушать!" Хозяин иногда подолгу гладит меня, когда смотрит телевизор, но никогда не играет. А когда он уезжает по работе на несколько дней, к хозяйке приходит другой хозяин. Весь вечер сидят на кухне, говорят о чем-то, подкидывают мне полукопченной колбаски или чего-то другого. Потом уходят в комнату.

Всю ночь "казЕкаются" [диалект - от сост.] на диване, хозяйка под ним страстно мурлыкает, шепчет: «Люблю - люблю», -

называет его: «Мой котик». Смешно, ну какой из него котик, ни хвоста, ни усов, мужик как мужик. Даже уходит ночью просто в дверь, хоть бы раз в окно выпрыгнул.

Быль

В женщинах самой природой заложен ген выживания, ответственности и сохранения будущего. Это высокие слова, но в них правда. И я хочу это подтвердить на примере одной из миллионов русских семей.

В начале двадцатого столетия в далёкой уральской глубинке, в небольшом посёлке Вознесенск жила семья. Посёлок находился в котловине, как будто в огромной чаше, в центре которой был большой пруд. А вокруг были леса, поля, луга и огромная ширь до горизонта. Пруд был главным действующим фактором в жизни посёлка, он не только давал людям воду, рыбу, он снабжал своей водой предприятия, а значит жители имели работу и заработок.

Жизнь никогда не баловала русских женщин, но они всегда умели мобилизовать себя на спасение своих близких и родных, а порой и чужих людей. История, о которой я хочу рассказать, была рядовой, то есть похожей на сотни, тысячи других семей необъятной России.

Молодую девушку Марию из бедной крестьянской семьи выдали замуж за вдовца Фёдора Карсонова, который, в связи с кончиной жены после очередных родов, остался один с пятью малыми детьми. Это случилось в 1908 году. Несладкой была жизнь молодой хозяйки. Пятеро детей надо было не только накормить и напоить. Кроме разнообразной домашней работы, был ещё огород и скотина, которые тоже требовали внимания женских рук. Таким образом, жизнь для молодой девушки сразу обернулась каторгой. Но роптать не приходилось, так как её семья была бедной, и она была рада избавиться от лишнего рта.

Шли годы. Дочери выросли, каждую в своё время выдали замуж, и они разъехались в разные деревни и сёла округи. Фёдор

умер. Мария осталась с младшим сыном Иваном, который, повзрослев, устроился работать в Артель - работник "Гвоздарь" рабочим.

Таких предприятий в 20 - 40 годы было много организовано не только на Урале, но и по всей России. Это были небольшие промышленные предприятия, которые выпускали необходимую продукцию для сельского хозяйства, для строительства и других отраслей. Например, косы, грабли, серпы, лопаты, гвозди и т.д. Продукция пользовалась спросом у населения, предприятий, колхозов.

Подшло время женить Ивана, и ему подобрали невесту в одной из окрестных деревень. Девушку звали Софья. Была она скромная и красивая, спокойная и чистоплотная. Ивану девушка приглянулась за кроткий нрав да удивительно чёрно-смородиновые глаза. Сыграли свадьбу, и стали молодые жить вместе со свекровью, то есть мачехой Ивана. Свекровь сразу взвалила на невестку всю домашнюю работу, как когда-то в молодости произошло и с ней.

Софья была из бедной семьи, образование не получила, но два класса, которые она смогла окончить, значительно выделяли её из всех девушек деревни. Она умела читать и писать. И было в ней что-то интеллигентное, она была мягкой, уважительной к людям, терпеливой и никогда не роптала и не сетовала на трудности жизни.

Молодая хозяйка норовила во всём угодить мужу и свекрови, вела дом, работала в огороде. Прошло немного времени, и в семье родилась дочка Варенька, а через два года и сынок Вася.

Поначалу молодые жили хорошо, дружно. А потом Иван стал частенько задерживаться после работы, приходил пьяным, раздражительным, недовольным. Проходили недели, месяцы, годы, а увлечение выпивкой затягивало молодого отца всё больше. Частенько и ночевать домой не приходил. Вся зарплата его уходила на вино, семья часто жила впроголодь. Свекровь пенсию не получала, да и не работала никогда.

Но Софья не могла оставить детей голодными. И молодая мать, выросшая на берегу пруда, нашла выход. Рано поутру Софья, взяв на руки ещё спящего Васю, Варюшка шла своими ножками, удочки, направилась к пруду, где у них была привязана лодка. Закутав Варю в шаль, посадила её на лавку, спящего Васю завернула в одеяльце, и, положив на дно лодки, выехала на глубину, где стояли колья, и к ним можно было привязать судёнышко.

Софью к рыбалке приохотил отец ещё в детстве, и это занятие было ей в радость, а не в тягость. Иногда попадало несколько ёршиков да окуньков, этого вполне хватало, чтобы сварить уху на всю семью. А в иные дни улов был побольше, попадалась сорога, лещ, а то и небольшие щуки. Это была удача, так как часть улова Софья могла продать или выменять на хлеб и другие продукты. Не отказывалась и от другой подённой работы у более состоятельных жителей села. Она была работящей, ответственной, и её с удовольствием приглашали жившие по соседству семьи то прибрать хату к Пасхе, то выполнить другую нужную работу. Так и растила в голодные тридцатые годы детей Софья почти одна, да ещё и свекровь с мужем накормит.

Когда дети немного подросли, Софья устроилась на работу санитаркой в больницу, и всю жизнь работала на одном месте. А через несколько лет свекрови наконец-то назначили пенсию, помогло то, что она вырастила пятерых детей. Семье стало жить полегче.

Мария не любила внуку. Во многих семьях девочек не жаловали, считалось, что растят их не для своей семьи, а для чужой, поэтому смолоду нагружали их работой по дому, по хозяйству, да и на подённую работу часто отсылали. Зато в мальчиках видели продолжение семьи и рода. Вот также было и в этой семье. Мария Васю не просто любила, она его обожала. Когда он был маленький, звала его не иначе, как "Списочек! Золотце!" Позднее частенько давала пяточки к празднику, порой скрытно, чтобы не видела Варя.

Да и медовыми пряничками в Пасху или на спас в первую очередь угощала его.

Когда грянула война, Варя было десять лет, а Васе восемь. Отца Ивана мобилизовали в июле 1941 года, а в декабре этого же года он погиб в битве под Москвой. Похоронка пришла в феврале следующего года.

Так и пришлось Софье всю жизнь быть ответственной за семью.

Свекровь была неласкова с невесткой, но была вынуждена всю жизнь жить с ней под одной крышей, так как неродным дочерям она была не нужна. Они никогда не проводали её, не приезжали и не звали в гости. Изредка приходили от них весточки в виде открытки к празднику и всё, но она не особо скучала по ним, так как её семья была - невестка и внуки, хотя и не родные. Никто не оценил её жизненный подвиг, что она молоденькой девчушкой вошла в чужую семью к пяти малолетним детям, всех выходила, вырастила и поставила на ноги.

Прожила она долгую нелёгкую жизнь и умерла зимой в январе. Хоронили её в тридцатиградусный мороз.

В жизни Софьи поговорка "Нет худа без добра" нашла своё применение. После гибели Ивана пришла похоронка, и она смогла получать пенсию на детей за погибшего отца. Это и помогло Софье поднять и выучить детей, дать им образование. Василий стал инженером, а Варя медсестрой и тоже всю жизнь проработала в поселковой больнице, как и её мать.

Софья никогда прилюдно не говорила о тоске и любви к погибшему мужу, не рвала на себе от отчаяния и одиночества волосы, но так и не вышла больше замуж, а на стенке в горнице, на самом видном месте всегда висела фотография, с которой сначала на детей, а потом и на внуков смотрела она со своим молодым Иваном.

Две женщины, две судьбы, но как же они похожи в своей предназначенной им жертвенности ради сохранения детей, ради

будущего. Они никогда не говорили высоких слов о своей особой женской судьбе, но молча, терпеливо, не смотря на все трудности, несли это высокое предназначение всю жизнь.

Тонкая нить

Она терла и терла, мыла и скребла, протирала и натирала, пока в этой съёмной квартире оставалось хоть что-нибудь немытое. Наконец, оглядев незнакомое еще, но уже чистое, скромное жилье, отвернувшись к окну, желая вырваться из него.

Идти было некуда. Его нет в этом городе, подумала она, когда появится, она знала лишь приблизительно. К родным идти не хотелось. Устала от оханья - аханья будто чужих, непонимающих, осуждающих взглядов. Все у неё не складывалось «не как у всех», и сама она была «не как все». - И кто это придумал «быть как все», «всё как у всех», - спрашивала она, ворча, разговаривая сама с собой, почти вслух.

Мысленно вспоминая лица, смотревшие на неё, она подумала, что-то не так, необычное происходит с ней. Что видела, узнавала она в этих лицах!? Сначала это ее занимало, потом от этого не могла отвязаться, а теперь многое отдала бы, чтоб этого не было. Почему? Почему? Почему? - тысяча почему, а ответов нет. Может быть, пока, успокаивала она себя.

Глядя за окно, она увидела лес, чему очень обрадовалась. Лес, как в детстве, манил её в свои покои. Она вспомнила, что хозяйка говорила ей, окна выходят в парк. «Но это же лес, самый настоящий!» - воскликнула она.

После работы, толкотни в транспорте, очередей в магазине, придя сюда, она с головой окунулась в обустройство нового жилья, чтобы только не думать ни о чем. У неё все равно ничего не вышло. События дня, разорванные мысли, носились и толкались в ней. Руки и спина устали до ломоты.

Стоя у окна, она смотрела на лес и улыбалась, как лучшему знакомому. В душе наступил мир. Как хочется пойти туда, даже побежать, ворваться в эту территорию, особенного, понятного ей, мира. Нельзя! Опять условности! Вечереет. Заря догорает на горизонте теплой полоской, солнце еще минуту светит сквозь щелочку в облаках. С сумерками, видно, тянет холодком, вон как блестят стекляшки бывших лужиц. Как тесно душе в моем теле, как хочется убежать, улететь туда, где он - мой милый.

Туда, в лес, за горизонт может убежать только сегодняшний день - 13 апреля. А мне, в моем положении, нужно побережиться, вон как разволновался вместе со мной мой малыш, подумала она. Ребенок толкался все сильнее, выпирая углами по бокам, остро поднявшегося живота. Она положила руки поверх шитого из нежной ткани халатика и стала говорить с младенцем, приговаривать и тихо напевать ему. Вскоре волнение двух сердец прошло. Малыш уснул, свернувшись внутри, как котенок.

Она же, боясь его потревожить, еще стояла тихо у окна. В голове грызла мысль - как дожить до завтра, это так долго "до завтра". Завтра врач спишет её в декретный отпуск, и не нужно будет каждый день ходить на работу, встречая лица. «Будем вместе только я и ты», - сказала она вслух, опять погладив свой живот.

За окном стало совсем темно. Ей почему-то захотелось протянуть в эту темноту руки и звать его. «Где ты?»- спросила она. Слова ушли в темноту сквозь окно, и ей самой захотелось полететь вслед за ними, и она смогла.

Это были такие мгновения, как будто сильно держали тебя, а потом отпустили, и ты понеслась, словно всегда знала, где он. А он сидел у костра и что-то строгал ножом. Она не понимала, почему он один, у костра, а не в части, но ей сейчас важно было только одно, увидеть его и знать, что он жив и здоров.

Она заворожено смотрела на него сквозь огонь, на его сосредоточенное строгое лицо, стоя на цыпочках и замерев, боялась

потревожить его. Он не заметил её.

Мгновения кончились. Она очнулась от холода оконного стекла, лоб и руки упирались в окно. Она тихо стукнула лбом в стекло, оно не поддавалось. Как же ей удалось!? В голове стоял шум. И все-таки она видела его, была рядом с ним.

Все пело и играло в ней, кружило и танцевало и, кажется, она сама готова была танцевать. В прекрасные минуты своей жизни, сколько она помнила себя с детства, она всегда танцевала, как балерина, как сказочная фея, взлетая и кружась в воздухе.

Звонок в дверь вернул её в реальность, по привычке она побежала к двери. За дверями было тихо. «Должно быть, не хозяйка, - подумала она. - Так кто же? Боязно открывать!» Она почувствовала себя вдруг слабой и беззащитной, чего раньше не было. Встряхнулась, смахнула что-то с лица и смело спросила, не узнав своего голоса: «Кто там?» За дверью сказали просто: «Мама».

Розовый кот

Всю жизнь меня преследуют разные несчастья и неприятности. То соседи залиют, то прыщ на носу вскочит. То чашку разобью, то коленку. Я уж не говорю про нахамившего продавца и предательство друзей. А моя внешность? Нос картошкой, ноги кривые. Раньше я всегда переживала по всем этим поводам и выпадала в уныние. Но вот однажды я зашла в магазин игрушек и увидела розового кота. Кот был несуразный во всех отношениях, начиная с дурацкого розового цвета. Одно ухо было больше другого, усы торчали во все стороны, лапы кривые, и поэтому кот не мог стоять прямо и постоянно падал. Но кот улыбался! Его нисколько не волновали ни внешний вид, ни падения. Он весело смотрел на меня и словно говорил: это все ерунда, мелочи. Наплой на все неприятности, жизнь прекрасна! Я купила этого кота, и теперь он стоит на столе, прислонившись к настольной лампе (чтобы не упасть), и, прищулив один глаз, улыбается мне. И если что-то случается, я не переживаю, а смеюсь - какая я невезучая! Смешно ведь! Ну вот, опять новая неприятность - давление подскочило. Наверно съела что-нибудь.

-Алло! Скорая? Приезжайте, кровь из носа хлещет, не могу остановить...

- Ничего страшного? Позвонить снова, если будет хуже? Хорошо. Спасибо. Если мне будет хуже, кот позвонит.

Сказ о Проконе

Жил в недавние предвоенные годы в одном селе Прокопий с семьёй. Был он видный мужчина. Открытый лоб, ясный взгляд. Ходил всегда в гимнастёрке и галифе. Сапоги начищены, бляха на ремне блестит, воротничок сверкает белизной.

Работал он в колхозе, и всё по партийной линии. Все его слушались. Но не из-за того, что был он коммунистом, а из-за того, что доброй души был человек. Всегда внимательный, весёлый, заводной, к чужому горю отзывчивый. Скажет слово - держит, пообещает - выполнит. Очень он верил в мировую революцию и ближайшее светлое будущее.

Приметило районное руководство Прокопия и приказало срочно переехать в город для работы в райкоме партии помощником второго секретаря. На все сборы и переезды три дня. Партийные приказы Прокопий привык не оспаривать, а выполнять в точности. Но и семью бросать в деревне совесть не позволяла. Как без него будут жить супруга любимая и дети: две дочки и два сыночка?

Пошёл Прокопий к председателю колхоза просить конные подводы для переезда. А председатель, и рад бы помочь, но лето, страда деревенская, сенокос. Все лошади, даже кобылы с малыми жеребятами, все заняты. Не веришь, мол, сходи сам посмотри, что в конюшне пусто.

Отправился Прокопий в конюшню, и, правда, нет там никого. Присел он на бревёшко, погладил его, призадумался.

- О чём горюешь, Проша? - подсел к нему местный сторож, дед - сто лет.

- Ехать надо, дед Фёдор, а лошадей нет. Вот мне бы плохонькую кобылку к завтрашнему утру, к обеду бы управился.

- Э-э! Какой ты быстрый! - удивился дед - На плохонькой

кобылѣшке решил слетать в район туда и обратно раза три, и всё до обеда!

- Да нет, не до района, а до речки только. Я, дедушка, плот за ночь свяжу, скарб весь перевезу на него и сплавлюсь по реке с семьёй до района. А там видно будет.

- Хитро, хитро придумал. А брёвна где возьмѣшь для плота-то?

- Сруб свой старый, что у реки стоит, раскачу, вот тебе и брёвна.

- Ладно! - хлопнул дед по коленам ладошками, - так и быть, подскажу я тебе, где лошадейку взять. Только не знаю, как ты с ней справишься?

- А что с ней?

- Спортит её кто-то. Доброго хозяина долго не видала. Запоминай. Дневного света не любит. Железа бряка не выносит, на дыбы встаёт. Руку или вещь, какую ей на холки не клади, начнёт козла бить. Зауздывать не смей, только назад ходить будет. А самое главное, что ты, Проша, не любишь, - матюгнутъся на неё надо, иначе с места не сдвинется. Вот. Вроде всё.

- И кто такую лошадь в хозяйстве держит? - усмехнулся Прокопий.

- Я и держу.

- Что-то я не видел ни разу, чтобы ты на ней работал.

- Я, Проша, бессонницей страдаю. Мы с ней ночные жители.

- Ну, дед, удружил, выручил, можно сказать, - хлопнул деда по плечу Прокопий.

- Так что, берѣшь кобылу? - поднял брови дед Фѣдор.

- Конечно, беру!

- И справишься?

- Да, конечно. Ты только мне скажи секретные слова, что с места её двигают.

- Конечно, скажу, только на ухо. Стыдно вслух-то произносить, - сказал дед и нашептал Прокопию слова. - Правда, сомнения

меня берут. Справишься ли?

- А давай для интересу о заклад побьёмся, поспорим то есть, что я с ней справлюсь. Например, на один рубль.

- На рубль? Нет, неинтересно. Давай на пять рублей! - загорелся идеей дед.

- На пять так на пять!

Хлопнули по рукам, с тем и разошлись до утра. Дед Фёдор колхозное хозяйство охранять, а Прокопий домой за подмогой.

За ночь он с супругой и детьми сруб разобрали, к реке скатали, плот связали. К утру осталось руль закрепить и шест вырубить.

Только домой всей семьёй зашли, тут и дед Фёдор в окошко стучится.

- Пошли лошадь запрягать.

- Ну, что ж пошли, - улыбается Прокопий. Берёт сумку холщовую и идёт за дедом в конюшню.

- Чего это у тебя в сумке, Проша? - не утерпел и поинтересовался дед.

- Увидишь, дед, увидишь.

Когда пришли, развязал Прокопий сумку, достал хлебушко с солью, протянул лошади на ладошке. Понюхала хлеб кобылка, приняла его мягкими губами, зажевала с аппетитом. Ещё потянулась. Прокопий ещё достал кусочек. Пока та кушала, уздечку накинул, взнуздывать не стал. На глаза очки надел из тёмного материала. Потянул за собой лошадь. Стоит. Тогда сказал ей в ухо: "Но, пошла, кобылякина мать!" Пошла, родимая, сдвинулась с места не спеша. У телеги снова: "Тпру! Ну, скука какая, поворачивайся живее!" Остановилась. Запряг в телегу.

- Все наказы помнишь мои, - удивился дед, - и матерные слова у тебя какие-то чудные, надо запомнить.

- Но! - опять крикнул Прокопий, - Епишкина Матаня, шибче иди! Но, вот скука какая с тобой, поворачивайся живее, ядрёна Матрёна!

Резво побежала кобылка, куда Прокопий правил. Он ещё кричал что-то созвучное с ругливыми словами, но дед уже не слышал, чтобы запомнить и записать.

- Вот ведь хитрый какой, заставил же мою кобылку шевелиться, - заулыбался дед Фёдор, глядя вслед удаляющейся повозке.

За четыре ходки свозил всё своё добро Прокопий на плот. Детям были дан строгий приказ обмотать тряпьем все железные и брякающие предметы: бидоны там всякие, фляги, посуду. Чтобы кобыла не услышала ни одного железного лязга. На пути от дома до реки все односельчане на этот счёт были предупреждены. Дополнительно, на всякий случай, местная детвора строго несла службу. Это нехитрое оцепление было снято, когда Прокопий подъехал к дому деда Фёдора, распряг лошадь, завел её в конюшню и задал ей овса.

- Спасибо тебе, ты - необыкновенная лошадь, - услышал дед Фёдор, как Прокопий благодарит кобылку.

"Вот человек, - подумал дед, - какой-то животинке и то поклонится".

- Бери пятак, Проша, твоя взяла, - протянул деньги дед.

- Да нет, дед Фёдор, не надо, это я так сказал, для азарту. Хорошая у тебя кобыла. Спасибо за неё. Пора мне, ехать надо, времени в обрез.

- И тебе спасибо!

- А мне-то за что?

- За слова добрые. Ну, бывай, не забывай нас, заглядывай когда.

- Не забуду. Прощевай, дед.

На реке Прокопия ждали односельчане, все хотели проститься, сказать что-нибудь на прощание.

- До свидания, сельчане, - крикнул всем Прокопий и поклонился в пояс.

- Если кого чем обидел, простите.

- Доброго пути! - слышалось отовсюду - В гости приезжай!

Извиняй и нас,если что.

Прокопий оттолкнулся шестом от берега, и плот тихо поплыл по течению. За рулём стоял старший сын Прокопия, остальные стояли, держась друг за друга, и махали руками на прощание. У них начиналась новая жизнь, городская.

Сельчане ещё долго не расходились. Уже и плот скрылся за поворотом, а они всё стояли и говорили о Прокопе - человеке доброй души, весёлом, находчивом, порядочном...

Берёзонька

- Деточки мои, милые! Скоро, скоро сорвёт вас буйный ветер. Раскидает в разные стороны. Меж трав-кусточков развалит. Одиноко вам покажется. Да не бойтесь, не пугайтесь. К земле крепче прижмитесь, корешочками укрепитесь. И только ручки ваши покажутся - тяните их к светлому солнышку, к необъятному небу. Всегда помните, детушки милые, что там, за далями высокими, есть места заповедные, места Пресветлые. Там растут деревья могучие, деревья благоуханные. И стоит посреди них Царь-дерево - Древо жизни благодатное. А с вышины там всегда улыбается радостно Пресветлое Святило! Величают Его Бог Всемилоостивый! И в тех Пресветлых местах скорби неведомы. Нет безжалостных бурь, нет внезапных ураганов. А ветра там всё веют приятные. Роса нисходит сладчайшая. Нет там гнили коварнейшей, нет грибов зловреднейших. О жестоких короедах и слыхом не слыхано! Вообще там нет никакого зла! К тем местам благодатным безленно тянитесь! Да за землю цепко держитесь. Будут мхи вас к себе притягивать, будут сорные травы завлекать - не прельститесь! Все их удовольствия весьма коварны и для нашего рода опасны. Тысячи деток от меня до вас сорвались. И лишь немногие устояли от гибели. И лишь те соблазнам не поддались и выжили, кто ручонки свои не опустили и Богу молились... Ох, уж подул ветер буйный. С Богом, деточки мои милые! Господи Боже, помоги им!..

Так, дрожа и сотрясаясь, причитала берёзонька. Раскинув руки, упрашивала Творца о милости к своим детушкам. В который раз вырастила она своих многочисленных питомцев. В который раз отпускает нетерпеливых юнцов. Они же радостно торопятся. Весело им закружиться в хороводе. И не ведают неопытные, что скорым-скорёшенько хоровод тот закончится. И будут ли им рады

на просторной земле?

Распахнув руки, молилась берёзонька за детишек своих. Среди молитв приходили воспоминания о своей младости.

Когда-то и она с родительской ладони созерцала неохватный и таинственный мир. А потом вдруг нетерпеливо сорвалась и весело слетела! Закружилась в хороводе хохотушек-сестрёнок. Да внезапно пала в объятия колочего репейника. И до своей первой зимы промаялась с наглесом, обвитая липкой паутиной. Когда же нагрянули первые морозы, гуляка ветер играючи вырвал её из лап репейника. Закружил, завертел, унёс. И вдруг отшвырнул в канаву, в холодющий снег. Берёзонька тогда была ещё невзрачным семечком. Да и снег никогда прежде не видела. Прежде-то ей казалось, что в мире царствует вечное лето. А тут мертвящий холод. Как тогда и жива осталась?!

Зато она никогда не забудет свою первую весну.

Неожиданно исчез ещё недавно казавшийся нескончаемым холод. Живительная влага затянула её под корни травы. Внутри что-то встрепенулось. Захотелось жить! Жить, несмотря на любые препятствия! Жить, во что бы то ни стало!

Неожиданно появились ножки-корешки. Она вдруг ощутила огромную силу, идущую от земли. И другая мощная сила, идущая от воздуха, напитала её. Но когда сквозь завалы прошлогодней травы пробился к ней радостный лучик солнца - невыразимое счастье окатило её; неведанная благодать прикоснулась к ней! Пытаясь ухватиться за светлый лучик, она тогда поднатужилась и... потянула к нему свои первые ручонки.

Боже мой, какой же радостью оказалось - тянуться к свету! Тогда, не в силах удержать распирающего её счастья, она впервые восхвалила Неведомого Бога, о котором говорила милая родительница.

Однако вскоре пришло новое разочарование. Как-то незаметно вокруг неё столпились зеленорукие травы. Среди них выделялись

свои красавцы и красавицы. И все они дружно тянулись ввысь. И скоро не только обогнали её в росте, но и заслонили небо. Всё самое лучшее, что падало сверху, доставалось им. А берёзонька должна была довольствоваться остатками. И это было так горько, так печально, что она плакала. И едва не опустила ручонки. Но вспомнила мамин наказ. И впервые взмолилась к тому Благодатному Свету, что был на недосыгаемой выси. И упорно просила о помощи.

Одни травы смеялись над ней. Другие предлагали всевозможные развлечения, ставя в пример её сестёр и братьев. Мол, также слетели. Но, пережив суровую зиму, не стали молить к неведомому Творцу, а решили испытать всевозможные удовольствия. Но берёзонька не слушала обольстителей, а продолжала выполнять родительский завет: тянула ручонки кверху и просила о помощи. Когда стали приближаться новые холода, пошли травяные пересуды. Оказалось, что многие сестры и братья берёзоньки в погоне за удовольствиями так и не смогли укорениться и исчезли неведомо куда.

А после была вторая зима. За ней третья. Четвёртая... Десятая... Двадцатая... Уже давно берёзонька переросла не только травы, но и кустарники. Уже давно она сама стала родительницей. И теперь пытается научить детишек своих многомудрой науке выживания. Но не знают они ещё ни свирепых бурь, ни жестоких зим. Неведомы им обольщения коварных сорняков, незнаемы кривотолки жестоких завистников. Не замахивались ещё на них топоры, не обрывали им ещё пальчики-веточки, не выворачивали ещё ручонки-ветви. Не срезали им ещё белую кожу, не гулял ещё по их телу бессердечный нож.

Чтобы хоть как-то обезопасить своих детушек, вздыхает берёзонька все свои руки к Благодатному Свету: помоги, убереги, сохрани, помилуй!..

Трагедия на дороге

Однажды мы с мужем были приглашены в гости на День рождения к свату. Пришли уже поздновато. Гостей было не так много. Разговор вначале не клеился. Сткрывается дверь, и заходит мужчина средних лет, хорошо сложенный, довольно привлекательный, высокого роста. Все оживились, посыпались анекдоты, случаи из жизни. И он поведал нам удивительную историю, которая произошла с ним недавно в дороге. Все смолкли. Его голос звучал откуда-то издалека.

-Я возвращался из Сюзьвяков в Карагай. Ехал на своем жигуленке. Кругом лес. А летом такая красота на Урале! Деревья распустились, в густой траве полно цветов, а вековые сосны и ели стройные, как свечи. Я задумался о своих проблемах. Вдруг мои мысли прервало потрясающее зрелище. Из леса, никого не боясь, бежала красивая лосиха, а за ней еле ковылял маленький лосёнок, очевидно, только что родившийся. Он ещё не обсох, и мать даже не успела его облизать. Малыш был весь мокрый. Они пробежали прямо перед моей машиной, поперёк асфальта. На дороге лосёнок замешкался, упал, но быстро встал и убежал за матерью. Малыш шёл медленно. Видно было, что ему трудно поспевать за матерью. Кто-то их спугнул, - подумал я и проводил их долгим взглядом. Невольно подумалось, что так могут бежать звери от грозящей опасности. И был прав. Я повернул голову и был ошарашен. Прямо передо мной встал на дыбы огромный медведь. Он стоял на задних лапах. Ростом, казалось, был с меня. Шерсть взъерошена. И когда медведь сделал два шага ко мне навстречу, я совсем растерялся. Испугался не на шутку. Напрочь забыл, как переключаются скорости, где находится руль, газ. Искал и не находил ключ зажигания. Что делать? Ситуация была критическая. Я знал

немного повадки медведя. Стоило бы мне поехать назад, как тут же бы он подмял и меня, и машину. А ведь я был не из робкого десятка. А тут минута противостояния длилась долго. Потом медведь заревел, опустился на передние лапы и побежал догонять свою жертву. Расстояние между ними всё сокращалось. Инстинкт хищника в нём победил. Я не сразу пришёл в себя. К сожалению, я торопился, мне надо было ехать.

Анатолий замолчал. После его рассказа установилась тишина. Мне казалось, что каждый с сожалением думал о том, что медведь всё равно догонит малыша-лосёнка и разделается с ним. А как жаль, ведь он только появился на свет, и мать-лосиха ничем ему не сможет помочь. Как в обществе, так и в жизни животных: "У сильного всегда бессильный виноват", - как писал великий Крылов.

Мы часто уповаем на жизнь, бываем недовольны всем, перестаём ценить всё, что нас окружает: и этот прекрасный мир, и людей, с которыми общаемся. А ведь удивительное совсем рядом. Только оглянись и протяни руки.

Пролог

В одном греческом городе на берегу моря в роскошном особняке жил-был знатный купец со своею молодою женою. Жили они в любви и счастье. У купца было много товаров и кораблей, на которых он отправлял их за море, а у красавицы-жены множество драгоценных нарядов и украшений.

Но однажды случилось так, что корабли, на которых купец отправил свои товары и товары купцов этого города, попали в бурю и все утонули. А по прошествии некоторого времени, купцы потребовали возместить им ущерб от утеранных товаров. И долг, возникший в результате этого несчастного случая, был так велик, что дом и всё имущество у купца было изъято. Да так, что жену прогнали на улицу, и у неё осталось только то, что на ней было одето. А купца посадили в "долговую яму" (тюрьму), до тех пор, пока он не вернет оставшийся долг.

Что было дальше? - Ничего хорошего. Но...

Они были христиане.

В первое время жена ходила к своим бывшим подругам. Они её утешали, кормили. А она каждое утро и вечер приходила к окошку темницы утешала мужа и кормила его тем, что ей перепало с барского стола. В дальнейшем ей пришлось работать, стирать, гладить, кормить и воспитывать детей в домах богатых купчих, чтобы вносить ежедневную плату за содержание мужа в темнице. Однако она не отчаивалась, а укрепляла мужа в вере и уповании на Господа.

Она любила.

Однажды вечером молодая женщина, по своему обычаю, пришла к темнице своего мужа и сидела у его окна. В это же время к стенам темницы подъехала золоченая карета, и из неё вышел

знатный вельможа. По случаю своего нового назначения, он должен был сотворить положенную милость к заключенным в темницу, выражавшуюся в раздаче последним хлеба. Пока его слуга сквозь решётки окон раздавал страждущим хлебные булки, вельможа, не отходя от кареты, принялся разглядывать женщину, сидящую у окна.

Когда слуга освободился, вельможа попросил его позвать к себе молодую женщину. И она тотчас пошла к нему, ожидая милости. Отвечая на его вопрос, по какой причине она здесь, жена без утайки рассказала всё произошедшее. «Ты так молода и прекрасна, и я очень тронут твоим рассказом, - говорил вельможа. - Согласись провести со мной эту ночь, и я готов заплатить за твоего мужа весь оставшийся за ним долг". "Ваша милость, Вы же знаете, что написано: "тело жены принадлежит её мужу". Позвольте, я узнаю его решение?"

Она была смиренномудрой.

Предложение, которое услышал муж, надо сказать, было действительно заманчивым. Почти угасшая надежда выйти на свободу вспыхнула ярким пламенем. Но...

"Неужели Господь посылает спасение через грех?! Неужели мы растопчем нашу любовь, оскверним душу для освобождения тела?!" - восклицал муж. "Нет, дорогой!" - укрепляла мужа жена. "Нет, любимая", - отвечал муж.

Вельможа уехал. А муж с женой решили усилить молитву к Богу о своем спасении. Жена с утра до вечера работала. А муж пел псалмы Богу, благодаря Его за всё.

Он был верным. А дни шли...

И вот однажды вечером, когда жена принесла своему мужу покушать, из соседнего окна донеслось: "Женщина, подойди ко мне". Она отломилась половину хлеба от пайки мужа, подошла к другому окну и протянула просящему. "Постой, не уходи, выслушай меня", - раздался голос. И она послушно отозвалась. "Я разбойник, убийца

и грабитель", - начал рассказчик. - "Я пролил много крови, потому что разуверился в людях - богатеях, по сути таких же, как я. Но ты и твой муж произвели во мне чудесную перемену. Оказавшись случайным свидетелем вашей трагедии и вашей веры, в ваших лицах я впервые увидел, какой должен быть человек. Моя душа воскресла, и я прошу Вас молить Бога о моем прощении... Через несколько дней мне отрубят голову. И мне уже не нужны будут золотые монеты. Скажи своему мужу, что в старом заброшенном доме на краю города в подвале за левой опорой замурован кувшин с золотом. И если он благословит, достань сосуд и по одной монете в день возвращай долг мужа, а на то, что останется, купите дом и живите счастливо, прославляя Бога". - Что и исполнилось.

Отрывок из рассказа "Трижды расстрелянный"

**Да воскреснет Бог, и разыдутся
врази Его!**

Герой моего рассказа - русский мужик Семён Иларионович Кузнецов. Солдат, уставщик, выдающийся бас. Человек глубочайшей веры, о которой я и должен рассказать.

Семён с юности в храме Божиим. Везде сопровождал нижегородского епископа Иннокентия (Усова), будущего митрополита Белокриницкого. Потом владыка отправил Семёна в Москву, где при Старообрядческой архиепископии у Рогожского кладбища был открыт Старообрядческий институт (фактически, духовная старообрядческая академия). Там Семён прошёл курс обучения, а в 1914 году все выпускники пошли добровольцами на Первую мировую войну. Тогда был и среди старообрядчества патриотический подъём на защиту России.

В чине младшего офицера Семён Иларионович попадает в армию генерала Самсонова, которая осенью 1914 года развивает наступление в сторону Мазурских озёр, и там вся армия попадает в окружение. Перестали поступать и боеприпасы, и снаряжение, всё отрезано, в "котле" армия ещё пытается сопротивляться.

Помощи никакой - и командующий объявил, что армия сдаётся немцам. Семён Иларионович рассказывал:

"...Долбили нас из пушек, пулемётов, сидели мы в окопах, несли потери, но старались держаться. И вдруг - пронзительная тишина, обстрел закончился. Мы в недоумении. Некоторое время спустя прибывает штабной офицер, вызывает знаменосца и говорит: "Знамя сдать в штаб! Сейчас придут на позиции немцы, приготовиться к сдаче оружия!" К этому

моменту командир полка уже погиб, как и многие офицеры, да и по численности это уже был не полк. Это всё на моих глазах. Тут меня словно что-то подбросило из окопа, вылез на бруствер, встал во весь рост, винтовку наперевес в боевое положение и, сколько было духу и силы, закричал: "Всемирную слава-а-аву. "

Всемирную славу, от человек прозябшую и Владыку рождышую, Небесную Дверь, воспоем Марию Девицу, безплотным песнь, и верным удобрение. Та во явися Небо и Церкви Божественая, Та преграждение вражды разрушивши, смирение введе и Царство отверзе. Тоя убо имуща верное утверждение, поборника имама из Ней рождышагося Господа. Дерзайте убо, дерзайте, людие Божий; ибо Той победит враги, яко всесилен.

Неожиданно знаменосец вырывается из рук штабиста знамя полка, разворачивает и встаёт рядом со мной. Мы вдвоём двинулись на позиции немцев. Все, кто были в окопах, начинают вылезать, присоединяются к нам и в одну шеренгу во весь рост пошли на врага. Раненые тоже стараются не отставать. Произошло чудо! Немецкие солдаты при нашем приближении выскакивали из окопов и бросались наутёк, бросая оружие. Какой страх нашёл на них! Удивительно, ведь немцы из пушек, пулемётов могли нас разметать за несколько минут... Бегство неприятеля придало нам ещё сил, мы прошли окопы немецкие, и только тогда по нам стали стрелять".

За этот подвиг Семён Иларионович был награждён Георгием, его представили к очередному офицерскому званию. Потом были ещё три Георгия, перевод в батальон Георгиевских кавалеров при императоре Николае II...

Тополя...

Тополя облетают первыми. Быстро и вперед всех...

Шла несколько дней назад в сад за кабачками. Надо признать, погода была паршивая: пасмурно и довольно холодно. Поэтому брела я безо всякого энтузиазма. Но, как только мои ступни в кедах ощутили асфальт центральной дороги, солнышко вдруг выглянуло из синевы туч и бросило свои теплые лучи, задорно подмигнув мне. А я шла, о чем-то думая, и поймала себя на мысли, что слышу какой-то до боли знакомый звук. Хруст. Хруст облетевших листьев с тополей...

Весь тротуар, ведущий к школе, был усыпан этими уже высохшими, коричневыми листочками, словно необычайный ковер, сотканный самой природой. И это так до боли знакомо! Хруст, серые квадратики тротуара, осенние деревья, особенный контрастный пейзаж осени и теплое-теплое золото кругом. У меня в душе словно что-то сжималось, сворачивалось котенком...

Я уже почти подходила к школе, а воспоминания не щадили меня, полностью погрузив в киноленту моей школьной жизни. Мгновенно кадры промелькнули в голове: как утром шли в школу, просто ненавидя и проклиная первую математику; как бегали на стадионе по тем же листьям и дышали прохладным сентябрьским воздухом, как прыгали по лугу во время турслета, а потом накидывались на еду, как оголодавшие волки; как возвращались после уроков домой, а вокруг люди жгли костры, и подымался дым-туман, неся по улочкам наш любимый запах сгорающих прелых листьев...

И теперь все это есть. Но не мы теперь слышим звонок и гоним прочь мысли об алгебре; не мы сидим, умирая от тепла бабьего лета, проникающего сквозь стекло окна; не мы любимся оранжевым

мандарином восходящего солнца, глядя сонными глазами в это же окно; не мы гребем ржавыми граблями территорию у школы во время уборки; не мы идем по школьному тротуару, пиная отжившую свое время листву... Нас там больше нет, лишь красочный калейдоскоп картинок тех веселых дней...

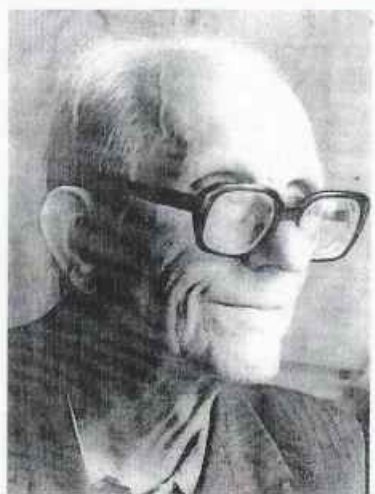
А тополя навсегда там...

Изготовлено в ООО «Очерская типография».

Адрес: 617140, Пермский край, Очерский район, г. Очер, ул. Ленина, 38.

Тел./факс (34278) 3-14-80. ИНН 5947014650. Заказ 528. Тираж 50.

Александр Николаевич Спешилов

(1899-1985) - пермский прозаик, поэт, член Союза писателей СССР, первый секретарь Пермского (Молотовского) отделения Союза писателей, автор произведений «Бурлаки», «Преданность», «В лесах Прикамья», «Первый маршрут Иры Сулимовой».

С Очёром Александр Николаевич был связан не только родственными, но и литературными связями. Приезжая в Очёр, он много общался с местными жителями, организовывал творческие встречи с интересными людьми.

Присвоение литературно-художественным чтениям имени Александра Николаевича Спешилова – дань уважения таланту, творчеству и активной гражданской позиции пермского писателя.